

Методологическое значение исследования сакрального и секулярного в чешской литературе 20–40-х гг. XX века

The Methodological Significance of the Study
of the Sacral and the Secular in the 1920–1940s
Czech Literature

Ivo Pospíšil

Абстракт:

Автор настоящей статьи анализирует взаимоотношения чешского и, частично, словацкого литературного авангардизма и католически ориентированной литературы в межвоенной Чехословакии 20–40-х гг. XX века, обнаруживая не только резкие отличия, но и общие места, подспудные течения, связывающие воедино поэтику и даже идейные источники обоих направлений, к которым принадлежат чешский поэтизм и сюрреализм, католический модернизм и так называемая протекторатная проза, находящаяся зачастую под влиянием поэтики экспрессионизма; именно Брно в 20-е и 30-е годы XX века было центром этого направления в литературе и театре. Подспудные связи на поверхности противоположных художественных явлений представляют собой составную часть постсекуляризма, предполагаемого хотя бы фрагментарные возвращения к религиозным истокам, включая и поэтологические принципы строения художественного произведения. Статья учитывает произведения чешских поэтистов

и сюрреалистов, в том числе Витезслава Незвала, Константина Библа, Ярослава Сейферта, Иржи Волькера, Франтишека Галаса со стороны авангардистов, Якуба Демла, Ярослава Дурыха, Яна Загра-ничека, Эгона Гостовского, Ярослава Гавличека и Яна Чена, в то время также и Яна Дрды и Вацлава Ржезача из лагеря католического мо-дернизма и протекторатной психологической прозы.

Abstract:

The author of the present study analyzes the mutual relations of the Czech and, partly, Slovak literary avantgardism and catholically oriented literature in interwar Czechoslovakia in the 1920-1940s, revealing not only big differences, but also topoi, common places, hidden currents connecting poetics and even ideological sources, such as Czech „poetism“ and surrealism, Catholic modernism and the so-called „protectorate“ prose developing, as a rule, under the impact of expressionism; especially Brno in the 1920-1930s represented a specific centre of this current both in literature and theatre. The hidden relations of the artistic phenomena seemingly contradictory on the surface represent an integral part of postsecularism, presupposing albeit fragmentary returns to religious sources including also poetological principles of the construction of an artefact. The study takes into consideration the works of Czech poetists as well as surrealists, such as Vítězslav Nezval, Konstantin Biebl, Jaroslav Seifert, Jiří Wolker, František Halas from the avantgardist group, and Jakub Deml, Jaroslav Durych, Jan Zahradníček, Egon Hostovský, Jaroslav Havlíček, Jan Čep and at that time also Jan Drda and Václav Řezáč from the group of Catholic modernists and „protectorate“ psychological prose.

Ключевые слова:

постсекуляризм, левый авангардизм, католический модернизм, протекторатная проза, подспудные общие места в поэтике, близкие поэтологические принципы, религиозная символика

Key words:

postsecularism, leftist avantgardism, Catholic modernism, „Protectorate“ prose, hidden topoi in poetics, close poetological principles, religious symbolism

Специфическая ситуация славянских литератур, связанная с историей славянских наций на западе, юге и востоке, привела к проблемам сакрального и секулярного в литературе в общем. Корнями этой проблематики было несколько веков: первоначальная колыбель европейской цивилизации – Медитеран – распалась на две части по церковной схизме в 1054 г.; потом нашествия нормандских племен, монголо-татарская оккупация восточной Европы, присутствие Османской Империи на Балканах; результатом всего этого стали дезинтегрированные целые, в рамках которых все проблемы решались по-разному.

В то время как западные славяне приняли процесс реформации, частично также на юге, восток реализовал только церковную реформу регионального значения. Литература как таковая носила сакральный характер не только в средневековье, но также и позже, практически вплоть до XVI, частично даже XVII веков. Почти тотальное отсутствие Ренессанса, гуманизма, маньеризма и реформации было нарушено с конца XVI и в XVII вв. барокко, его стилем и поэтикой, покрывающей все виды искусства от крайнего Запада по крайний Восток, последнего универсального художественного течения, синтетического стиля, несмотря на то, что сначала он стал культурным орудием контрреформации.¹

Годовщина реформации, отмечаемая в 2017 г. во всем мире, возбудила серию вопросов и рефлексий, связанных со всей эпохой. Упомянутый комплекс явлений, содержащих все эпохальные течения и направления с ренессанса по рококо и классицизм, реализуется на Западе и на Востоке по-разному. Восток Европы, или юго-восточная Европа, иногда идентифицируема с центральной, или, как немцы любят говорить, с восточно-центральной (*Ostmitteleuropa*). Хотя термин “*Westmitteleuropa*” употребляется не столь часто, его объем трудно определить, так как его пределы более или менее не ясны.

¹ См. антологию европейского барокко, составленную чешским романистом, литературоведом, компаративистом и литературным критиком Вацлавом Черным (1905–1987) *Kěž hoří popel můj*/ «Пусть горит пепел мой» (Praha 1967).

Кажется, что конечное решение можно найти в известной книге Франка Вольмана (1888-1969) «Словесность славян» (*Slovesnost Slovanů* 1928, исправленное издание 2012, немецкий перевод *Literatur der Slawen*, Peter Lang: Wollman 1928, Wollman 2012, Wollman: 2003), который думал о Медитеране, как о реальной колыбели нашей цивилизации, восходящей к древним империям Месопотамии и Египта.

Разделение на Запад и Восток считается лишь инновацией в связи с распадом Римской Империи на *Rex Romana* и *Rex Orthodoxa*; Западно-римская Империя похоже трансформировалась в Святую Римскую Империю, позже еще с добавлением „немецкой нации“, и Византию, которая прекращает свое существование в половине XV века (современное употребление терминов Запад и Восток, когда говорится о Европе, связано с холодной войной и, к сожалению, продолжает жить по сей день). Тем не менее, нельзя игнорировать то, что это разделение имеет реальную основу: это был сравнительно продолжительный процесс со времени распада Римской Империи, через церковную схизму и разные европейские события рокового характера, когда Европа и славянский ареал теряют универсальный характер. Реформация с ее комплексным, холистическим объемом присутствовала не везде; ее считали не только религиозным движением, но и глобальной атакой, продолжительным давлением, связанным с политикой, экономикой, культурой, искусством и литературой. Непрерывная эволюция, например, в восточной части Европы, напоминает о пунктире, разорванной сети течений, которые присутствуют или отсутствуют в качестве мелкого источника или родничка значений.

Специфическое развитие славянских литератур привело меня к образованию концепции пре-пост эффекта или парадокса. Он кажется скорее восточных славян – главным образом, русских, в большей степени, чем украинцев или белорусов, – и южных славян – по крайней мере, болгар, македонцев и сербов, больше, чем западных славян. Проблема состоит в том, что несовершенное подражание западным моделям и, таким образом, открытие „нового окна“, направлено

в сторону новой поэтики. Ситуацией так называемого постсекуляризма мы занимались на материале русской литературы в другой статье. (Pospíšil, v tisku) Настоящее краткое исследование можно считать особым продолжением исследования по разным феноменам постсекулярного мира конца XX и начала XXI веков.

Нельзя при этом игнорировать отношение между методологией и терминологией. Термины, как, например, постсекулярность, постсекулярный с одной стороны, и постсекуляризм и постсекуляристский с другой как научный термин, пронизанный объективным видением предмета; то же касается и префикса „пост”, который всегда носит подтекст или подспудное значение определенного возвращения, обогащенного, однако, предыдущими этапами развития, через которые мы прошли. Религия как таковая может выполнять реальную функцию полностью только в теократии; поэтому эта тенденция видна везде в современном мире, хотя в каждой религиозной деноминации в разном объеме и в разных пределах. Можно привести конкретные примеры, но это, скорее, дело теологии или религиоведения. Если сфера религии ограничена секулярным обществом и материалистической философией, и детерминистической концепцией, религия не может выполнять свою реальную холистическую функцию. Религия будет выживать (или продолжать существовать), она вечна, пока онтический и экзистенциальный аспекты человеческой жизни будут выживать (или продолжать существовать) как доминантный фактор. Постсекулярная стадия развития общества является лишь реализацией одного из гегелевских законов диалектики – «отрицания отрицания».

Методологической предпосылкой введения в настоящее исследование являются два источника, связанные с конкретной манифестацией соотношения настоящего исследования религиозного характера литературы XX века и якобы антирелигиозного направления. Один представляет собой Рене Уэллек (René Wellek, 1903-1995) (Pospíšil, a Zelenka 1996), литературовед чешского происхождения со стороны отца и итальянско-польского со стороны матери, рожденный в Вене, который после окончания пражской гимназии продолжал учебу

в Карловом университете в его чешской и немецкой частях, живший в Праге, в США (стажировка в Гарвардском университете), в Лондонском университете (School of Slavonic Studies) в качестве лектора чешского, потом опять в США, где он стал видным литературоведом, теоретиком литературы, соавтором пресловутой Теории литературы, переведенной на несколько десятков языков, компаративистом мирового значения. В чешской и английской литературах он нашел две противоположные линии развития, которые он назвал материалистической и духовной/спиритуальной.

Второй методологический источник представлен книгой Игоря Смирнова, позже представителя Konstanzer Schule, автор ранее еще в Москве изданной книги «Художественный смысл и эволюция поэтических систем» (Smirnov 1977) (позже автор других значительных книг), в которой он связывал якобы отдаленные поэтологические системы, в том числе, например, барокко и футуризм. Он, таким образом, обнаружил циклическую природу культурных и художественных эпох, находя бросающиеся в глаза похожие или общие места в разных системах.

Наша попытка связана с поисками глубинных корней чешского левого авангарда (Jiří Wolker, Vítězslav Nezval, Jaroslav Seifert, František Halas, Konstantin Biebl, Vladislav Vančura, Jindřich Hořejší – их судьбы, в том числе и политические, разумеется, разные) и католической литературы первой половины XX века, которая после возникновения Чехословацкой Республики находилась под определенным давлением, связанным с ролью католической церкви в Австро-Венгрии под Габсбургами (Jakub Deml, Jaroslav Durych, Jan Zahradníček, Jan Čer и др.).

Если детально не учитывать личные дружеские контакты, например, Якуба Демла и Витезслава Незвала, связь коммуниста Франтишека Галаса с католическими поэтами и воздействием христианской или даже католической образности на поэтику галасовских стихотворений, здесь находятся более глубинные структуры и подспудные течения, *topoi, loci communes* и, в особенности, их общее отрицательное отношение к буржуазии, к мещанской культуре и социальной политике

этого времени, т. е. периода заката Австро-Венгрии и начала Чехословацкой Республики, хотя их отношение к новому государству не было одинаковым, но их взгляды до определенной степени сближались. Отношение чехословацкого авангарда, составной частью которого была также словацкая литературная группировка ДАВ, основанная в 1922 г. тремя культурными и политическими деятелями (Daniel Okáli, Vladimír Clementis, Ján Poničan), сначала определенная как *Вольное содружество студентов-социалистов из Словакии*, которое позже трансформировалось именно в ДАВ (с 1924 г.). К нему постепенно относились разные словацкие интеллектуалы, художники, деятели искусства, фотографы, политики, в том числе и молодые Густав Гусак, Ладислав Новомески и в Словакии действующий Эдуард Уркс. В чешских землях это было содружество «Деветсил» – начало пролетарской поэзии и поэтизма, специфического левого художественного направления, позже Сюрреалистическая группа в ЧСР, основанная В. Незвалом, которой после идеологического разрыва, связанного с так называемыми московскими процессами 1937 года, руководил теоретик поэтизма и сюрреализма Карел Тейге (Karel Teige). Чехословацкие авангардисты были, по крайней мере, некоторое время, членами Коммунистической партии Чехословакии.

Католические литераторы были недовольны, главным образом, официальной масариковской концепцией чешской истории, основанной на протестантском изложении известного религиозного и общественного конфликта, который продолжался с XV по XIX вв., хотя к концу 20-х гг. XX века произошло до определенной степени смирение Ватикана и Чехословацкой Республики в связи с годовщиной св. Вацлава. Несмотря на то, что на поверхности обе группы представляли собой непримиримых противников, в глубинной структуре истории, а, следовательно, и в общей художественной концепции находились места соприкосновения. Отношение к Чехословацкой Республике и ее общественному строю было у обеих групп остро критическое. Обе не исключали насильственный путь преобразования общества; в этом смысле наглядным примером могут служить исторические и другие романы коммуниста Владислава Ванчуры (1891-1942),

который в ходе немецкой оккупации пал жертвой нацистского террора. Его возвращение к средневековым и ренессансным добродетелям, именно, например, к культу рыцарства, противопоставляется корыстной буржуазии. Как известно, классики марксизма не отождествляли ренессансных Титанов типа Леонардо да Винчи и Уолтер Рэли (Leonardo da Vinci, Walter Raleigh/Raleigh) с Ренессансом и более поздним мещанством. Для них это были гениальные люди, наделенные огромным талантом и незаурядными способностями, прогрессивные деятели, путь которых продолжали, напротив, антибуржуазные движения. Романы Ванчуры, которые в международных рамках до сих пор малоизвестны, хотя некоторые были в чешской среде сравнительно успешно экранизированы, принадлежат к экспериментальной линии модернистской прозы XX века, в том числе «Поля пахотные и военные» (1925), «Маркета Лазарова» (1931) и «Образы из истории чешского народа» (*Obrazy z dějin národa českého*, 1938-1940), в конце концов, и роман «Конец старых времен» (*Konec starých časů*, 1934). Из этого вытекает возвращение тогдашних марксистов к готике и барокко (Zdeněk Kalista). Известна и любовь Незвала к магии, его суеверность, способность предвидеть будущее, включая и его собственное, – он, например, предсказал точно и свою смерть; связь сюрреалистов-коммунистов с фрейдизмом и теорией подсознания и психоанализа сказалась на их художественном творчестве. Марксизм как философию они воспринимали как перманентно обновляющуюся креативность и инновацию материального и духовного. Каждый может стать поэтом, когда освободятся его дремлющие креативные силы, эстетические потенции посредством сублимации подсознания в качестве, например, автоматического письма, ассоциативной поэзии, восходящей еще к эстетике чешского поэтизма и т. д.

Заниматься соотношением этих двух течений в чешской и, частично, словацкой литературе межвоенного периода – значит коснуться и ядра литературы в наиболее широком значении, главным образом, проблемы преемственности и разрыва с традицией, континуитета и дисконтинуитета. Брненский философ Бржетислав Горына (Břetislav Horýna) в одной из своих книг занимался ранней

немецкой „романтикой“, т. е. романтизмом (*die deutsche Romantik, Frühromantik*), подчеркивая возможность совсем другого подобия романтизма – более „мягкого“, строящего континуитет с предыдущим просветительским рационализмом и художественным классицизмом; подобные приемы можно обнаружить и в концепции русского религиозного философа Николая Бердяева о мягком Ренессансе раннего средневековья (феномены так называемого каролингского или оттоновского ренессанса).

Точки соприкосновения католического модернизма и левого авангардизма в чешской литературе межвоенного времени можно найти еще в самом начале чешского модернизма, в чешском декадансе и позже в символизме 90-х гг. XIX века, а также в первых двух десятилетиях XX века, включая и брненский вариант экспрессионизма 20–30-х гг. Напротив, спорные места сказываются и в их отношении к советскому авангардизму и вообще к советскому режиму с одной стороны, и к русской эмиграции в Чехословакии после 1920 г. – с другой. Необходимость по-новому рассмотреть и осмыслить актуальную обстановку в годы всеобщего кризиса демократии, в 30-е годы XX века, привела к новым поискам, в которых обе группы находили некоторые, хотя и парадоксальные, точки соприкосновения.

Политические и поэтические принципы ведущего чешского критика Ф. Кс. Шальды уже не раз объяснялись; я коснулся их в другой статье. (*Pospíšil 2010, 131-42*) В этом сыграл ключевую роль Карел Чапек, автор всеобъемлющего творчества, начиная переводами модернистской французской поэзии на чешский язык; известны его связи с американским прагматизмом и его литературным неоклассицизмом и новаторскими романами, пьесами и дистопическими концепциями («Война с саламандрами», *Válka s mlouky*, 1936).

Его позиция между полюсами французского модернизма, немецкой философичности, американского прагматизма и русских крайностей являются частью цепей и линий развития, пар и треугольников, которые связывают, зачастую парадоксально, мнимо противоположные точки зрения, образующие интеллектуальную атмосферу чешских 20–30-х гг. XX века, т. е. бесконечные цепи шагов, повторов,

возвращений, реминисценций, аллюзий, стагнаций, прогресса, кризисных явлений и катарсисов, подтверждающих роль искусства как незаменимой трансценденции (Bradbrook, 1998, 2006, Ohme, 2002, Uhle, 2006, Pynsent, 1973, 1994, 1996, 2000, Pospíšil, 2008).

Его католический оппонент Ярослав Дурых (Jaroslav Durych, 1886-1962), по профессии военный врач, боролся против устранения или ослабления сакрального характера чешской литературы, обожал барокко, распространял в своих произведениях другие концепции чешской истории, основанные на католических представлениях о контрреформации как времени процветания чешской культуры и чешского языка. Его возвращения к прошлым добродетелям в противовес мещанской эпохе похожи на критику Владислава Ванчуры, хотя каждый подходит к событиям прошлого с других идейных позиций. В своих прозаических произведениях Дурых демонстрировал идеал мужчины и женщины как глубоко и искренне верующих: религиозный пиетет, культ бедности, чувствительность, сильная эмоциональность и экстатическая любовь к Богу являются коренными чертами его поэтики, инспирированной поэтологическими принципами романтизма, например, «Ярмарка жизни» (*Jarmark života*, 1916), роман «В горах» (*Na horách*, 1919), любовная новелла «Маргаритка» (*Sedmikráska*, 1925), эссе «Готическая роза» (*Gotická růže*, 1923), однако в наибольшей степени эта тенденция проявляется не только в его действенных романах, действие которых происходит в годы религиозных войн в Европе XVII века («Блуждание», *Bloudění*, 1929; «Реквием», *Rekviem*, 1930), но и в других («Пасха», *Masopust*, 1938; «Ненужные слуги», *Služebníci neužiteční*, 1969; «Душа и звезда», *Duše a hvězda*, 1969; «Божья радуга», *Voží duha*, 1969). В своем стиле, подражающем барочным манерам, он открыл полускрытые и полузабытые слои чешского поэтического языка, которые по-другому образуют поэтику прозы, будто бы с другой стороны, борются против повседневности и утилитаризма буржуазии, иначе, чем романы В. Ванчуры. В своих эссе он подчеркивал критическое отношение к современному человеку и его индивидуализму, изображал его поиски Бога, эмоциональное напряжение, искренность веры, протестуя таким

образом против современной ему буржуазной этики («Предостерегательное слово к чешским поэтам», *Výstražné slovo k českým básníkům*, «Почему меня огорчает быть чешским писателем», *Proč mne mrzí být českým spisovatelem*, «Канон сексуальности», *Kánon sexuality*, и т. д.).

В своих эссе Дурых дошел даже до восхваления коммунизма, по крайней мере, некоторых его внешних черт. Рациональное ядро состоит в массовости движения, эмоциях, психозе, слабом умственном контроле, экстремизме и выражении абсолютных взглядов, в осуждении послевоенного пацифизма, антимужественности и импотенции (ответ Дурыха в анкете Фердинанда Пероутки в журнале *Prítomnost* («Настоящее») от 1924 г. Самый известный и популярный ответ Карела Чапека, ответ Дурыха Пероутка не смел опубликовать, вероятно, как результат автоцензуры (Fialová 2001, 189-90, Pospíšil, 2008).

Однако над эмоциями коммунизма стоит вера в Бога и Бог как таковой: „Время меняет лицо, но изредка само человеческое существо. Лицо – это человеческое дело, человеческое существо от Бога.“ (Durych 2001, 108, перевод на русский – И. П.). Тем, что, по крайней мере, в области публицистики сближало Дурыха с левым авангардом, была критика мещанской, утилитарной демократии, однако, в отличие от авангардистов и по другим причинам, современное общество он считал слишком атеистическим и неморальным. Его взгляды проявились, в особенности, в его оценке испанской гражданской войны 30-х гг. XX века, в которой он прочно стоял на стороне путчиста генерала Франко, в отличие, например, от всех авангардистов и некоторых словенских католиков (Е. Косбек); например, Джордж Оруэлл (настоящее имя Эрик Артур Блэр, 1903-1950) видел в качестве непосредственного участника на стороне республиканцев ситуацию более дифференцированно (см. его книгу «В честь Каталонии», *Nomage to Catalonia*, 1938).

Транзитивным временем в контрастном понимании и поисками общих мест является так называемая протекторатная литература, т. е. чешская литература, публикуемая во время немецкой оккупации чешских земель (1939-1945, Egon Hostovský, Jan Čep, Jaroslav Havlíček, Jan Drda, Václav Řezáč и другие). (Pospíšil 2014, 27-44)

Ключевая роль экспрессионизма и абсурдной эстетики в процессе образования модернистской центрально-европейской литературы, в отличие, например, от американской или французской, обнаруживалась, в особенности, в связи с культурным пространством, немецко-западнославянско-венгерско-итальянской Центральной Европы, в которую проникали южно- и восточнославянские, немного и румынские элементы, ядром которых была Габсбургская монархия и культура с ней связанных немецких земель, именно Баварии и Саксонии.

Все это сильно отражается, между прочим, в искусстве центрально-европейской новеллы, начиная с «Превращения» (*Die Verwandlung*, 1912) Франца Кафки (1883-1924) и кончая протекторатной новеллой 40-х гг. XX века.

Хотя чешское национальное возрождение предпочитало скорее лиризм, фрагменты сентиментализма, кроткого, служебного фольклорного романтизма, делового позитивизма/реализма, позже, после его завершения, революционность, цивилизм поэтизма и конструктивизма и свободу подсознания в автоматическом написании сюрреалистов, доминантным, хотя в своем большинстве подспудным течением чешской литературы оставались рамки анклавной экспрессии, коренящейся в меланхолии барокко и в „черном“ преромантизме. Брненская Литературная группа (*Literární skupina*) питала свой экспрессионизм из темной глубины германских словесных традиций, именно из скандинавской и немецкой. Огромная дезиллюзия, связанная с первой мировой войной, отражалась в творчестве Льва Блатного, критика Франтишека Геца, молодого Йиржи Волькера, Константина Библа, Зденека Калисты, Арношта Ража, дяди Библа, однако, главным образом, Честмира Ержабка, автора новеллы «Остекленный человек» (*Zasklený člověk*, 1921) и романа «Мир горит» (*Svět hoří*, 1927).

Когда искусство меньшей прозаической формы скрестилось с обостренной политической и экзистенциальной ситуацией, например, с немецкой оккупацией и протекторатным режимом, их выражение стало еще более интенсивным. Группа авторов психологической интроспекции относится к вершине чешской прозы XX века: Эгон

Гостовский (Egon Hostovský, 1908-1973) со своими новеллами «Закрытая дверь» (*Zavřené dveře*, 1926), «Потерянная тень» (*Ztracený stín*, 1931), «Поджигатель» (*Žhář*, 1935), «Пропавший без вести» (*Nezvěstný*, 1955), «Благотворительная вечеринка» (*Dobročinný večírek*, 1957), Ян Дрда (Jan Drda, 1915-1970) с его „маленьким романом“ «Городок на ладони» (*Městečko na dlani*, 1940), Вацлав Ржезач (Václav Řezáč, 1901-1956) с новеллами «Черный свет» (*Černé světlo*, 1940) и «Свидетель» (*Svěděk*, 1943), Ярослав Гавличек (Jaroslav Havlíček, 1896-1943) с «Невидимым» (*Neviditelný*, 1937), новеллой «Та третья» (*Ta třetí*, 1939) и «Керосиновые лампы» (*Petrolejové lampy*, 1944) и, главным образом, их предшественник и спутник Ян Чеп (Jan Čep, 1902-1974), автор новелл «Золототысячник» (*Zeměžluč*, 1931), «Троицын день» (*Letnice*, 1932) и «Дырявый плащ» (*Děravý plášť*, 1934) – все они указывают на тесную связь с религией, верой, с католической религиозной образностью и терминологией, как и некоторые произведения левого авангардизма, связывающие революцию с религиозным подвигом, и все это не только в чешской литературе.

Постсекуляризм, т. е. особое возвращение к основам религиозных ключей культуры и литературы, является, однако, общим местом левого авангардизма и католической литературы в Чехословакии межвоенного периода, кроме тяготения к максимализму, крайностям, абсолютности ценностей и взглядов. Другим было, однако, развитие обоих лагерей после второй мировой войны.

Можно подытожить, что постсекулярные веяния, рассчитывающие на возвращение религиозной атмосферы в литературу XX века и позже, реализовались зачастую противоречиво, иногда даже абсурдно, в странных переплетениях, связывающих воедино на первый взгляд якобы исключают друг друга течения. Чешская литература межвоенного периода может служить наглядным примером и доказательством.

Literatura:

- Pospíšil, Ivo. 2014. „Novela: metodologie, terminologie, evoluce a případ české protektorátní novely.“ In *Premena poetiky novely 20. storočia v európskom kontexte* edited by Mária Bátorová, Renáta Bojničanová, a Eva Faithová, 27-44. Bratislava: Kabinet Dionýze Ďurišina při Ústave filologických študií Pedagogickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislavě.
- Pospíšil, Ivo. 2010. „Singularity and the Czech Interwar Essay among the Currents: František Xaver Šalda, Karel Čapek, and Jaroslav Durych.“ In *Primerjalna književnost*, 131-42. Ljubljana: Društvo za primerjalno književnost SR Slovenije, letnik 33, št. 1, junij.
- Pospíšil, Ivo. V tisku. *The Secular, The Sacral, and Three Stages of Postsecular/Postpostsecular in Russian Literature – the Past and the Present*.
- Pospíšil, Ivo, a Miloš Zelenka. 1996. *René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky*. Brno: Masarykova univerzita.
- Smirnov, Igor' Pavlovič. 1977. *Chudožestvennyj smysl i evoljucija poetičeskich sistem*. Moskva: Nauka.

prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.
Ústav slavistiky
Filozofická fakulta Masarykovy univerzity
Arna Nováka 1
602 00 Brno
ivo.pospisil@phil.muni.cz